

В ПРОЦЕССЕ

— Что говорить, союзное правительство обрадовало работников культуры: с января их заработная плата повышается аж на сорок процентов. Однако чепчики бросать в воздух не надо — ответим вначале на вопрос: чем январские 140 рублей будут отличаться от декабрьских 100? То-то и оно... Да, бюджетное финансирование увеличивается на 58 процентов, «ура!» кричат артисты, но они ведь не знают, что 26 процентов пойдет на государственное страхование. «Ура!» кричат режиссеры, музыканты, балетмейстеры, но если бы они взяли в руки калькулятор и посчитали, сколько по новым ценам придется заплатить за все, что так или иначе связано с выпуском спектакля, то... Я, директор, вынужден признаться: отпущенных средств едва хватит на полтора квартала...

Предвижу возражения: хватит, дескать, плакаться, делайте хорошие спектакли, повышайте цены на билеты и переходите на хозрасчет. Дорогие оппоненты, вспомним: во все времена в России, как, впрочем, и во всем мире, репертуарные театры были на дотации. Согласен, не все они питались из государственной казны — были и частные антрепризы, актерские товарищества, были концертные организации. Но репертуарным театрам всегда помогали.

Да, в массе своей артист всегда был беден, но никогда, как сейчас, и никогда, как сейчас, эксплуатируем. 214 спектаклей в императорских театрах в год — этот «возмутительный рекорд» постоянно был предметом скандальной хроник. У нас же 500 спектаклей — и ничего. Что говорить, артистов берегли, понимали, что это люди, отмеченные Богом. Даже от службы в армии их освобождали, в том числе и в 1914 году. И уж, конечно, на уборку урожая, даже небывалого, не мобилизовывали... Поэтому, когда я получаю разнарядку на такую мобилизацию, всегда вспоминаю Дмитрия Сергеевича Лихачева: «Нам не удастся реформировать экономику, науку, общественную жизнь, продвинуть перестройку, если наша культура будет находиться на нынешнем уровне»...

Но вернемся к дню сегодняшнему и займемся арифметикой. Контрольная цифра государственного финансирования для нашего театра на 1991 год — 748 тысяч рублей. Вроде бы сумма. Но если еще три года назад на содержание здания мы тратили 270 тысяч рублей, то сейчас эта цифра в лучшем случае утроится. Утроится и расходы на новые постановки — любая из них потребует не менее 100 тысяч. Далее. До трех месяцев мы на гастролях, а уже сегодня гостиницы работают по договорным ценам. Так вот, гостиница, суточные, транспортные расходы — все это «потянет» на 250—300 тысяч, опять втрое больше, чем раньше. Ну и фонд заработной платы с учетом 40-процентной надбавки — 540 тысяч.

Итого — 1 миллион 700 тысяч рублей. А что мы зарабатываем? Самый дорогой билет на вечерний спектакль — 3 рубля, на детский — 1 рубль 20 копеек. Аншлаг вечернего спектакля — около двух тысяч рублей, утреннего — 820. Средняя заполняемость зала — около 80 процентов (показатель самый высокий среди русских театров в автономных, а теперь суверенных республиках Российской Фе-

Вячеслав Стрижевский известен в театральном мире России — вот уже восемь лет директорствует он в Уфимском русском драматическом театре, недавно отметившем 60-летие. Директорствует весьма успешно. Нет проблем с посещаемостью, надежно и с материальной базой: современное здание с прекрасным интерьером, всеми необходимыми атрибутами. Достаточно постоянен состав труппы, хотя есть актерские вакансии. Одним словом, театр пока на плаву — несмотря на надвигающийся рынок, несмотря на все рифы и пороги, по-прежнему подстерегающие культуру вообще и сценическое искусство в частности. Говорю «спока» потому, что в уфимских театральных кругах вдруг разнеслась весть — Стрижевский намерен оставить кресло...

ПРОЩАЙ, ТЕАТР?..

дерации). В месяц на стационаре мы играем в среднем 25 спектаклей, доход от билетов — около 38 тысяч рублей, чуть более 450 тысяч в год.

Хорошо, давайте цену билета поднимем до 7—10 рублей. И вот с каким «но» мы тут же столкнемся. 38 процентов сидящих в зале — люди до 19 лет, 59 процентов — до 24. Не думаю, что все девятнадцатилетние — дети дельцов теневой экономики, для которых цена билета не значит ровным счетом ничего. Вот он и замкнутый круг: нищета порождает невежество и бескультурье, бескультурье порождает нищету...

Но как же быть, если государственное финансирование учреждений искусства и культуры остается на уровне контрольных цифр? Закрывать театры первого апреля? Я вот и думаю: а почему бы и нет? Не все, конечно. Но то, что нужно определяться, — что сохранить, а от чего отказаться. — сомнений не вызывает.

Ведь как было и как по-прежнему остается в культуре? Чем больше, тем лучше. Открывались новые театры, музеи, клубы... в одном случае из-за престижности, в другом — из-за амбициозности местных властей. Редко — из здравого смысла. И невдомек было, что плодили мы нищету, втайне надеясь, что завтра жить будет лучше и потому решим вопросы и с жильем, и с зарплатой... увы, завтра приходило, а жизнь нищала.

Не так давно в высшей школе деятелей сценического искусства мне довелось слушать лекции мистера Роберта Очерда. Он — директор американского репертуарного театра и одновременно профессор Гарвардского университета. Бюджет театра — 5 миллионов долларов, 80 процентов этой суммы — фонд оплаты труда. Почти два с половиной миллиона поступало от федерального правительства, властей штата и частных лиц. Другая же часть бюджета состоит из дохода от продажи билетов и иной коммерческой деятельности.

Понятно, что не все американские театры финансируются именно так — важен принцип. При здоровой экономике большую поддержку имеют те,

кто хорошо работает; финансируется не культура вообще, а конкретная программа.

Увы, у нас же, чтобы получить финансовое покровительство, нужно работать... Плохо. Это кривое зеркало — порождение системы, при которой всегда считалось, что если плохо работает театр, значит, никуда не годный директор. А раз так, то он под благовидным предлогом освобождается, а театр начинает подпитываться за счет тех, кто хочет и умеет работать. Нужен свежий пример? Пожалуйста. Министерство культуры Башкирии раздобыло миллион рублей, чтобы поддержать театры республики. Получили от этого миллиона все, кроме... нашего театра. Но не логичнее было бы больше давать тому, у кого больше отдача на дотируемый рубль?

Истину сказать, когда мы поймем, что плохая работа театра за редким исключением, когда в должности директора оказываются обычные проходимцы, не связана с плохим директором? Театр — он тогда театр, когда у него есть собственная художественная идея — во-первых, и, во-вторых, есть кому эту идею воплотить в жизнь. Ну а вся система управления в искусстве — она вторична. Все управленческие функции я бы свел к трем, если так можно сказать, нитам: благо разумию, терпимости, беззаветной любви к людям творческого труда. Честно говоря, когда я стал директором, я не сразу понял и не сразу смирился с тем, что роль его в театре производная от творческого процесса. Разумеется, это не значит, что ему «грощ цена», директорские обязанности требуют особых качеств и способностей, знаний. Особой подготовки, о которой у нас не заботятся.

Да, наш театр держится на плаву, хотя у нас нет главного художника, заведующего постановочной частью, нет пятерых актеров-мужчин. Предложения есть, но нет квартир, нет даже общежития, а завтра не будет и приличной зарплаты. Здание не ремонтировалось уже десять лет, нужно менять мебель, нужно новое оборудование. А где взять деньги? Тех, что отпустило государство, хватит, как я уже говорил, на полтора квартала. Идти с протянутой рукой в родное министерство? Но много ли там выпросишь? Да и расстались мы с иж-

дивенческими настроениями еще тогда, когда в 1985 году провели с помощью кандидата филологических наук З. Шангареевой первое социологическое исследование по своему театру. Обобщив анкеты, удивились: сколько, оказывается, претензий у зрителя. Да и его-то, кстати сказать, толком не знали. Потом повторили эти исследования, полученный негатив воспринимали не как удар по самолюбию, а как, не удержусь от штампа, руководство к действию. Стали биться буквально за каждый рубль. Скажем, вошли соучредителями в коммерческий банк «Эккор-Урал» — часть его дивидендов идет в наш фонд театральных инициатив. Благодаря этому фонду мы можем приглашать на договорных условиях режиссеров, артистов. Учредили ежегодную премию за лучшую творческую работу, учредили несколько стипендий для театральных вузов. С помощью фонда можем поддерживать гастрольные коллективы и зарубежных коллективов, приезжающих в наш театр. Согласитесь, это большое подспорье при нынешней нищете.

Ну а чтобы она, нищета, давила еще меньше, мы создали попечительский совет. Его председатель — первый заместитель председателя Уфимского горисполкома. В Совете — такие киты промышленности, как объединение «Геофизприбор», концерн «Восток», совместное советско-британское предприятие «Уфа-форпост». Организовали свою газету «Аншлаг» — она выходит как приложение к «Вечерней Уфе»...

Есть и проекты. Выделяем у себя помещение для постоянно действующей выставки современного изобразительного искусства Башкирии. Хотим построить гостиницу прямо рядом с театром — есть оригинальные проекты, есть предварительная договоренность с китайской строительной фирмой, она обещает сдать гостиницу «под ключ».

Одним словом, вода никогда не шла под лежачий камень, а уж тем более не пойдет сейчас, на пороге рынка. И тем не менее я уверен, момент наступил и нужно сказать твердо: лучше меньше, да лучше. И закрыть половину учреждений культуры и искусства. Трудно? Не укладывается в голове? Согласен. Утешением здесь может служить только одно: оставшаяся половина будет жить и работать в достойных условиях.

Что же касается моего ухода из театра, то, как говорится, слухи сильно преувеличены.

Записал
В. ЛЕКСИН.